

* * *

Словно рыба, сердечная мышца
Застучала в ребро плавником.
Я в февральскую улицу вышел,
Синевы зачерпнул башмаком.

Ледяное и тонкое утро,
Сквозь которое видно весну.
Ветер сети ветвей перепутал
И хвостом по рассвету плеснул.

И от страшной, неслыханной жажды
Ожидания нового дня
Обнажились иссохшие жабры,
Из-под сонных артерий садня.

Видно, будут ловцы человечьи
Нас обратно в рыбьё обращать.
Всех увечных, калечных, конечных –
Нас устали просить и прощать.

И слова, словно рыбы, затихли.
Но я видел сегодня во сне:
На заре Ты, незримый и тихий,
Ловишь, Господи, рыбу во мне.

ЛЕРМОНТОВ

из цикла «Страницы»

Добрый дядя, молчи. Я и сам понимаю: недаром
На портретах и полках так скучно и грустно ему.
Он ушёл на полслове в невозможные долгие дали,
Словно снег оборвался с ветвей в тёмно-синюю тьму.

То ли дым пистолетный, иль мгла пятигорских туманов,
Или ночь опустилась на тайнопись горных дорог,
Или скрыла волна зыбкий след у границы лимана,
Или спрятался образ в шершавых расщелинах строк?

Ты однажды ушёл. И, пожалуй, вопросы излишни:
Нам остались тома, чтоб на судьбы поэтов гадать.
Жизнь – обманчивый звук, лишь дуэльного пороха вспышка,
Лишь короткий дефис, отражённый в зеркальной симметрии дат.

Лишь одно примирит с этой резкой насмешливой былью:
Смерть поэта не внове, но слово, представьте, живёт!
И поэт по ночам окунает в прохладную рукопись крылья,
Словно ангел полночный вершит свой предвечный полёт.

Отдохните, поэт. Расстегните мундир этот тесный.
Расскажите, поручик, зачем Вам опять не до сна.
Может, станем на «ты»? Ни к чему церемонии, если
Мне твоя одинокость, как ночь на морозе, ясна.

ПТИЦА

Сквозь глубокую звёздную тишь
И высоких снегов полотно
Тихой птицей ко мне прилетишь,
Чтоб в ночи постучаться в окно.

Эта птица пока не поёт
И ещё не привыкла ко мне,
Но упрям молчаливый полёт
И глаза так знакомы в окне.

Накрошу на ладонь сладких снов.
Мне твоя так знакома печаль,
Словно сердца поющего зов
Я когда-то умел различать,

Будто знал, как бессонницу ткёт
Птица тихими взмахами крыл,
И не спал тогда ночь напролёт:
Слушал песни да птицу кормил.

Ты тогда улетела в рассвет
По дорогам неведомых стай.
Но сюда возвращается снег –
Это значит: опять прилетай.

И пускай ты пока далека,
Пусть непрочен по осени лёд,
Но небесная станет река
И мосты над водой наведёт.

* * *

Мы замечтались. Мы и не замечали:
Минул сентябрь, октябрь у порога замер.
Осень сегодня всю ночь за окном молчала
И куда-то звала заплаканными глазами.

И шуршали дожди в полумраке, как будто воры.
И вода у парома дышала холодным паром.
Обнажённая осень, себя не помня, входила в воду
И облака в обмелевшей реке купала.

И огибающая прохожих, не оставляя тени,
Вслух ничего особо не выражая,
Жёлтые листья над спящим городом разлетелись
На осколки разбитыми жёлтыми витражами.

...А я брожу по городу, как блаженный,
И летящие листья шагами опережаю.

ОДИССЕЙ

Я – Одиссей. Вокруг шумят века.
И долог путь, и время кроважно.
Я шёл без карт, но шёл наверняка –
На шум одежд прозрачных и прохладных.
Ветра безумствуют. Разбиты корабли
О рифы острые, затерянные в море.
Зачем я уходил за край земли
И оставлял тебя одну рыдать у мола?..
Кругом лишь невозможный горизонт,
Где небеса и волны бьются лбами.
Сквозь голоса сирен иду на зов,
Зову тебя солёными губами.
И я приду – назло отливам всем
И поцелую женщин нелюбимых.
Я растеряю всех в пути. Я – Одиссей.
Одной тобой в кромешной тьме хранимый.

РОДИТЕЛИ

Из поэмы «Шпана»

Там, где небо пронзительно,
Где кресты покаянные,
Целовались родители
Под цветущею яблоней.

Летним днём очарованы,
Осторожно и вкрадчиво...
– Твои губы вишнёвые...
– Твои руки – горячие!..

А забудутся прозою –
Вновь закружатся парюю!..
Тихой раненой бронзою
Листья с яблони падали.

И о чём только пели вы,
Чуть касаясь земли?
Это яблони белые
На висках зацвели.